

Предполагается, что данная работа станет отправной точкой в исследовании, посвященном соотношению биометрических портретов новобранцев, рекрутировавшихся из разных губерний Российской империи в XIX в.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 62.
2. Столетие Военного Министерства. Главный штаб: Исторический очерк. Комплектование войск в царствование Императора Николая I. Т. IV. Ч. 2. Кн.1. Санкт-Петербург: М. О. Вольф, 1907. 290 с.

Д.И. Гилманов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПИСЬМА ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ О НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯНСКИХ ОБЩИН НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Анализ крестьянского движения традиционно выступает одним из основных способов изучения проблемы социальных противоречий, инициированных подготовкой Великих реформ 1860-х гг. Вместе с тем в современной историографии феномен разногласий между бариним и общиной рассматривается как столкновение двух противоположных форм сознания — рациональной и мифологической [1, с. 271]. Так, особое значение в контексте исследования крестьянских волнений предреформенного периода наряду с определением их конкретных мотивов [5, с. 9] обретает вопрос о том, как интерпретировали поведение общины дворяне-землевладельцы и каким образом это восприятие сказывалось на их отношении к крестьянскому делу. Показательным примером могут служить представления о характере крестьянских волнений 1858-1861 гг., принадлежавшие поместному дворянству Казанской губернии: среди других районов Среднего Поволжья она занимает первое место по количеству зарегистрированных в данный период случаев «неповиновения». Кроме того, исследователи располагают обширным массивом источников о настроении местных дворян перед реформой. Среди них огромную роль играют выписки чиновников III отделения из личных и деловых писем казанского благородного общества 1858-1861 гг., большая часть которых — 23 из 29 известных на сегодня — является неопубликованной [3, ед. хр. 6. л. 182-276]. Данный комплекс служит основным источником при определении отношения казанских дворян к различным аспектам крестьянского вопроса.

В общей своей массе поместное дворянство Казанской губернии было представлено землевладельцами средней руки, большая часть которых круглогодично находилась в имениях и неизбежно вступала с крепостными людьми в единую систему бытового взаимодействия. Социальный консенсус внутри деревни претерпел значительные изменения в связи с объявлением подготовки мер по улучшению быта помещичьих крестьян, что

изначально стало предметом многочисленных слухов среди сельского населения. Об их содержании можно судить по письму помещика В. Филиппова к А.Е. Кисловскому от 28 мая 1858 г., где называя причины «ослушания» своих крепостных он говорит о том, что в губернии «преимущественно татары, распускают такие слухи, что хоть беги из края» [3, ед. хр. 6. л. 195]. Содержание данных слухов сводилось к различного рода рассказам о наказании представителей дворянского самоуправления и губернской администрации: «то говорят, что Государь прислал Куприянову железную шапку и такие же сапоги, за сокрытие Указа о вольности, то говорят, что Теренину обрезали уши за недослушание какого-то приказа» [Там же]. Идея жестокости подобных мер неслучайна — община воспринимала понятие «воля» в качестве сакрального понятия, защита которого требовала крайних мер, а сюжет с засекречиванием подлинного документа об освобождении, считается традиционным элементом классического сценария крестьянских волнений [2, с. 22].

На первых порах подготовки реформы в уездах наряду с народными слухами о «воле» не менее активно циркулировали сплетни самих помещиков, в которых проявились их ожидания будущего массового крестьянского протеста. Так, например, А.П. Перцов в письме к своему брату Владимиру от 14 мая 1858 г. писал следующее: «По поводу эмансипации ходят между дворянами слухи о неповиновении, о возмущениях; но по счастью все это не подтверждается» [3, ед. хр. 6. л. 192]. Действительно, не только в 1858 г., но и за все предреформенные годы из 20 волнений, произошедших на территории Казанской губернии, ни одно не подпадает под статус «массового выступления». Тем интереснее становится миф о скором приближении «новой пугачевщины», утверждавшимся в консервативной прослойке казанского дворянства, которая, по воспоминаниям старшего губернаторского адъютанта Ф.А. Половцева, «просто в осуществление освобождения крестьян не верила», [4, с. 102]. Отстаивая свои притязания на решение вопроса, некоторые помещики прямо обвиняли либерально настроенных бюрократов в некомпетентности. «Яростные эмансипаторы хотят непременно разорить помещиков и обогатить крестьян, не умея рассудить, что они обогатят одни только кабаки, и что легко доставшаяся свобода не пойдет впрок мужику нашему» [3, ед. хр. 6. л. 182] — заявляла в письме к А.К. Жуковскому одна из казанских помещиц. Впрочем, к 1860 г. ситуация несколько изменилась и, по словам Д. Рычкова, обращенным в письме к Ю.Ф. Самарину, «благородное сословие немного подвинулось вперед», поскольку «эти господа убедились, что эмансипацию остановить нельзя» [Там же, л. 249]. Он же сообщал, что в деревне «мужички <...> работают себе по-прежнему и, кажется, несколько удивлены, что обращение с ними сделалось человечнее» [Там же]. Стоит при этом учесть стремление Д. Рычкова представить своему адресату — инициатору и деятельному участнику Крестьянской реформы — позитивную картину ее ожидания в деревне.

В восприятии крестьянского поведения со стороны казанских помещиков четко отразились общие черты социального самочувствия поместного дворянства накануне реформирования деревни: наличие определенных предубеждений по поводу общинного протеста, которые с одной стороны поддерживались различными слухами крестьян о «воле», а с другой – обосновывали уверенность консервативной части благородного общества в неизбежности крупных волн народного недовольства. Накануне преобразований все это лишь усиливало уже возникший межсословный раскол.

Библиографический список

1. Давыдов М.А. Теорема Столыпина. Санкт-Петербург, 2022.
2. Егоров А.К. Крестьянские волнения первой половины XIX века в контексте социально-политических и религиозных представлений русского крестьянства. Петрозаводск, 2006.
3. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Ф. 8.
4. Половцев Ф.А. Из воспоминаний 1859-1861 годов // Исторический вестник. Санкт-Петербург, 1907. Т. 109-110.
5. Кабытов П.С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2(93).

Д.А. Федотов

Самарский национальный исследовательский университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ С ИНОВЕРЦАМИ: ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ НА УЧАСТКАХ, ПРОБЛЕМЫ И ВЛИЯНИЕ

Институт земских начальников как особый тип органов местного управления был учрежден в ходе реформ, проводившихся при Александре III, и по-прежнему не имеет в историографии устоявшейся, общепризнанной оценки. В научной традиции преобладает взгляд, согласно которому земские начальники трактуются, прежде всего, как представители бюрократического аппарата; при этом исследователи неоднократно фиксировали факты административного произвола в их деятельности [2; 3]. Однако в последние десятилетия наметился отчетливый отход от односторонней интерпретации. В ряде работ институт земских начальников рассматривается не как неизменная, статичная структура, а как орган, развивавшийся во времени и приспособивавшийся к актуальным потребностям государства, меняющимся социальным, экономическим и политическим условиям жизни [1; 5].

Особый интерес представляет изучение деятельности земских начальников в окраинных губерниях, где преобладал инородческий, в том числе магометанский, компонент населения. В Поволжье наблюдались специ-